

© 2015 г.

М.А. ЮСИМ

О “БАРЛЕТТСКОМ ВЫЗОВЕ”, ВЕЛИКИХ ИСТОРИКАХ И ПАТРИОТИЗМЕ¹

В XXVI главе “Государя”, “Воззвании к овладению Италией и освобождению ее из рук варваров”, Макиавелли говорит: “Посмотрите на поединки и мелкие стычки – насколько итальянцы превосходят всех силой, ловкостью и умом”². Он не поясняет своего утверждения примерами, но для современников намек был понятен – все помнили о нашествии победы итальянцев в рыцарском поединке с французами при осаде Барлетты в 1503 г. Этот эпизод (*La disfida di Barletta*) из истории испано-французских войн на юге Италии был с энтузиазмом воспринят соотечественниками флорентийского секретаря, но одним из главных преданий итальянского патриотизма он стал триста с лишним лет спустя, когда Массимо д’Адзельо (1798–1866), художник, писатель и политический деятель эпохи Рисорджименто, посвятил ему сначала картину, а затем исторический роман “Этторе Фьерамоска, или Турнир в Барлетте” (1833)³.

События 1503 г. были увековечены многочисленными мемориальными акциями, прежде всего, на местном уровне, им посвящены несколько художественных фильмов, комиксы, журналы, исследования, книги; исторические представления, воспроизводящие события пятисотлетней давности. Накануне 500-летнего юбилея 2003 г. в печати развернулась полемика по поводу истинного значения “поединка в Барлетте”: один из известнейших итальянских историков Дж. Прокаччи выпустил труд, в котором доказывалось, что преувеличенное внимание к несущественному по сути эпизоду привело к созданию историографического и идеологического мифа⁴. В защиту исторической справедливости выступил барлеттский историк Р. Руссо, автор многочисленных книг и статей по истории края, в том числе исследования о литературных и художественных источниках по истории поединка⁵.

Юсим Марк Аркадьевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

¹ Данная статья подготовлена на основе выступления на конференции по истории Средиземноморья, состоявшейся на истфаке МГУ в феврале 2008 г. и посвященной юбилею С.П. Карпова. Статья переработана в рамках проекта по гранту РГНФ № 13-01-00158.

² Государь, гл. XXVI. Здесь и далее сочинения Макиавелли цитируются по: <http://www.intratext.com>. На этом электронном сайте они представлены как гипертекст и представлены все варианты лексических сочетаний в основных сочинениях автора. “Государь” там публикуется по изданию: *Machiavelli N. Principe*. Einaudi editore, 1972; “Рассуждения о первой декаде Тита Ливия” цитируются по изданию: *Machiavelli N. Tutte le opere*. Firenze, 1971.

³ На русский язык роман переводился и издавался неоднократно в 1847, 1865 и 1874 гг.; затем в 1934 и 1963 г. с предисловием Б. Г. Реизова: *Д’Адзельо М. Этторе Фьерамоска, или Турнир в Барлетте*. Пер. Р. Зерновой и Н. Фарфель. М. – Л., 1963. Этот перевод был переиздан в 1994 г.

⁴ *Procacci G. La disfida di Barletta. Tra storia e romanzo*. Milano, 2001. В своей рецензии (*Avvenire*, 5.I.2002) его поддержал Ф. Кардини, говоривший о “мистификациях в подходе к прошлому”.

⁵ *Russo R. La Disfida di Barletta nelle fonti storiche e letterarie*. Barletta, 2003.

Поскольку для русскоязычного читателя сведения о нем ограничиваются почти исключительно вышеупомянутым романом Массимо д'Адзельо, наполовину являющимся плодом художественного вымысла, стоит привести те подробности события, которые так или иначе составляют его канву в глазах большинства авторов⁶.

Одним из главных источников является так называемый анонимный Автор Ведуты, т.е. очевидец, составивший брошюру под названием: “Успешное сражение между 13 итальянцами и 13 французами в Апулии”⁷. Другой современный отзыв содержится в двух латинских письмах известного гуманиста Антонио Галатео (Де Феррариис)⁸, который был врачом при испанском дворе. Сохранились также другие письма и упоминания о событии современников и историков, в том числе Паоло Джовио и Франческо Гвиччардини.

В 1501 г. последний правитель Арагонской династии Фридрих (Федерико) Неаполитанский был смещен, и Южная Италия, согласно секретным положениям Гранадского трактата, поделена между французским и испанским королями. Однако к весне 1503 г. отношения между сторонами испортились и речь зашла о новом переделе завоеванных земель. В это время шли вялые военные действия между испанской армией, возглавляемой знаменитым полководцем Гонсальво⁹ де Кордова (1453–1515) и французской, во главе которой стоял вице-король Луи д'Арманьяк, герцог Немурский (1472–1503). В эту эпоху кондотьеров и наемных отрядов итальянцы могли быть и в том, и в другом войске, но главным образом они сражались на стороне испанцев в отрядах известных полководцев Просперо и Фабрицио Колонна¹⁰. В описываемый момент военные действия ограничивались мелкими стычками между противниками, части которых были рассредоточены по мелким городкам и крепостям. Основная часть испанской армии была осаждена в Барлетте, втором по значению городе Неаполитанского королевства, в ожидании подкреплений. Наряду со стычками между противоборствующими силами устраивались и поединки, в которых особенно отличился знаменитый француз Байярд (в Барлеттском ристалище он не участвовал, так как страдал от лихорадки или от ран, полученных незадолго до этого¹¹).

⁶ Подавляющая часть сведений почерпнута мной из электронных источников, в частности, с сайта, посвященного “Барлеттскому вызову”: www.disfidadibarletta.net. Sito ufficiale. и www.ilfieramosca.it. Часть материалов на них подписана журналисткой Кармен Пальмиоттой, многие основаны на статьях Р. Руссо из журнала “Фьерамоска”.

⁷ *Successo de lo combattimento delli tredici italiani e franciosi fatto in Puglia, con la Disfida, Cartelli, e la virile essortatione che fece lo Capitano Fieramosca a' gli compagni, e la gloriosa vittoria ottenuta da gli italiani. Nel anno 1503.* Предполагаемое первое издание не сохранилось, известна публикация, подготовленная нотариусом из Капуи Джованбаттистой Дамиани в 1547 г.: *Giovann Battista Damiani. Historia del combattimento de' tredici italiani con altrettanti francesi, fatto in Puglia tra Andria e Quarata e la vittoria ottenuta da gl'italiani nell'anno 1503 a 13 di febraro, scritta da autore di veduta che v'intervenne.* Giovanni Sultzbach, Capua, 1547. Брошюра переиздавалась как минимум дважды в XVII–XVIII вв.

⁸ *De Ferraris A. detto il Galateo. De Pugna tredecim equitum. Del combattimento dei 13 cavalieri.* Versione italiana e testo in calce della epistola diretta dal Galateo a Crisostomo Colonna da Caggiano sulla “Disfida di Barletta”. Copia xerografica delle pagg. 259–270 del V. 2° della Collana di scrittori di Terra d'Otranto. Tip. L. Gavi, 1903. Стоит заметить, что Галатео имел греческие корни и во всяком случае происходил из грекоязычной и придерживавшейся греческого обряда общины на юге Италии.

⁹ Такой средний вариант между итальянским Консальво и испанским Гонсало использовался в прежних переводах на русский язык.

¹⁰ Последний является главным персонажем диалогов Макиавелли “О военном искусстве”, действие которых происходит в 1516 г. Было бы заманчиво сопоставить эту дату со временем завершения “Государя” (его посвящением Лоренцо Медичи) и возможного написания цитированной последней главы трактата.

¹¹ Поединок между 11 испанцами и 11 французами, возглавляемыми Байярдом, 20 сентября 1502 г. закончился вничью, на втором, состоявшемся 2 февраля 1503 г., всего за 11 дней до описываемой здесь знаменитой дуэли и на том самом месте, что и она, рыцарь без страха и упрека

В одной из стычек отряд испанского капитана Диего де Мендосы захватил в плен несколько французов¹², среди которых был рыцарь Шарль де Торг, называемый также Ги де Ламоттом¹³. На следующий день в погребке, который носит сегодня имя *Cantina della Sfida*, по приказанию главнокомандующего Гонсальво де Кордова был устроен банкет, на котором присутствовали испанцы и пленные французы. В ходе этого ужина вспыхнул спор между Ламоттом и неким доном Иньиго Лопесом де Айяла по поводу воинских качеств итальянцев: первый утверждал, что они трусы, второй заявил, что итальянцы не уступают французам в воинской доблести и способны доказать это на деле¹⁴. Так и возникла идея поединка, которая затем была претворена в жизнь путем обмена письмами между Ламоттом (он был освобожден за выкуп и вернулся в свой лагерь в местечке Руво) и капитаном из Капуи Этторе Фьерамоской (1476–1515). Последний не присутствовал на банкете, но к нему обратились испанцы, как к известному своей доблестью рыцарю, который до этого уже безуспешно пытался вызвать на дуэль одного французского рыцаря (за то, что французы называли итальянцев “тростником, ветром колеблемым”). Фьерамоска был потомственным военным¹⁵ и давно сражался против французов под знаменами арагонских королей Неаполя.

Здесь мы сталкиваемся с одной проблемой, которая связана с организацией дуэли. Почти все авторы излагают версию, по фактической канве вполне правдоподобную, о том, что вся эта затея была сознательно спровоцирована испанцами, а именно Гонсальво, с целью поддержать воинский дух в своей армии, находившейся не в лучшем положении, и еще больше рассорить итальянцев с французами. Эти мотивы выглядят также правдоподобно, но скорее с позиции постфактум, т.е. при условии, что итальянцы одерживают победу. В противном случае полезность мероприятия становится сомнительной¹⁶, следовательно, для испанского главнокомандующего важной была

мастерским ударом прикончил испанца Алонсо де Сотомайора. См. статью *Scordo A. Il crepuscolo della cavalleria e l'avvento del soldato gentiluomo: la disfida di barletta mezzo millennio dopo. – Il bollettino interno informativo di VIVANT (Associazione per la Valorizzazione delle Tradizioni Storico Nobiliari) marzo 2004, Anno 10, Numero 72, p. 3* (www.vivant.it/pagine/conferenze).

¹² Ф. Гвиччардини в “Истории Италии” излагает предысторию события иначе: “Для переговоров о возвращении некоторых солдат, захваченных в Руво, в Барлетту прислали горниста, который должен был предложить за них выкуп. При этом кое-кто из итальянских рыцарей высказал в адрес французов несколько нелепых слов, переданных горнистом во французском лагере и вызвавших с их стороны ответ. Стороны так распалились в ходе этой перепалки, что для защиты чести обеих наций условилось сойтись в надежном месте и сразиться до полной победы в составе тринадцати французских и тринадцати итальянских конных латников”. – *Guicciardini F. Storia d'Italia. L. V, c. 13*. Цит. по: *Guicciardini F. Storia d'Italia, v. 2 (libri 5–8)*. Bari, 1929, p. 68–69.

¹³ Авторы, сообщающие результаты биографических изысканий о нем, называют его по-разному (*Charles de Torgues*, или *de Choques*, *Guy de La Motte*), что вызывает вопрос: всегда ли речь идет о том же лице?

¹⁴ Любопытные подробности по поводу этого спора приводит Галатео: “Итальянцы стремятся к свободе, справедливости, равноправию и справедливому правлению больше всех прочих народов. Если они этого не получают, то считают себя вправе... не держать данного слова и не хранить дружбу... Мы (испанцы. – *М.Ю.*) называем это предательством, они – благоразумием, местью и душевным превосходством, полагая, что правильно воспитанные души способны подчиняться только тому, кто управляет справедливо. Ни один народ так не любит, не понимает и по меньшей мере не желает свободы, как итальянцы”. Приводимый далее аргумент в пользу итальянской доблести точно повторяет доводы Макиавелли и Гвиччардини: “Ни один народ не проявит такого же героизма, если только ему достанутся достойные вожди”. Цит. по: *Tateo Fern. “De pugna tredecim equitum” di Galateus. – www.foodchem.it. p. 2, 3*. Перевод с латинского на итальянский Ф. Татео в кн. *Puglia Neo-Latina. (Un Itinerario del Rinascimento fra autori e testi)*. Bari, 1994.

¹⁵ Интересно, что у него было два брата, также кондотьеры, Гвидо и Чезаре, второй впоследствии носил титул маршала Неаполитанского королевства.

¹⁶ Выдвигается аргумент в пользу того, что испанцам был выгоден любой исход дуэли, потому что в случае проигрыша они могли рассчитывать на усиление неприязни итальянцев к фран-

уверенность в победе итальянцев, которой, при всем уважении к отваге последних, он, наверное, испытывать не мог. Поэтому встает вопрос о том, что же могло питать его уверенность, и, соответственно, не прибегли ли испанцы к каким-то уловкам, обеспечивавшим победу их партии. Такая версия хорошо согласуется с утверждениями единственного французского автора, упоминающего о Барлеттском поединке, Жана д'Отонна, историографа Людовика XII, который говорит, что своим выигрышем итальянцы обязаны хитроумному судейству со ссылкой на принятое для этого турнира правило, выводившее участников "вне игры" (выражение Р. Руссо). Противники находились на стартовых линиях, и когда был дан сигнал, французы яростно устремились в атаку, а итальянцы остались стоять на месте, и такая тактика якобы привела к тому, что 5 из 13 французских рыцарей пересекли границы поля, но это означало выбывание из турнира¹⁷ и они были выведены из состязания. Трудно сказать, является ли такое толкование вымыслом, продиктованным пристрастием французского хроникера, но саму схему боя подтверждают и другие источники. Как бы то ни было, испанцы принимали самое активное участие и в разработке правил поединка, и в судействе; кроме того, подобный расчет на традиционное поведение французов соответствовал расхожим тогда представлениям об их национальном характере. Тот же Макиавелли посвящает этому вопросу целую главу в "Рассуждениях": "О причинах, почему до сих пор считается, что французы в сражении поначалу сильнее мужей, а потом слабее женщин"¹⁸. Здесь, ссылаясь на Ливия, он заявляет, что французы рассчитывают в основном на яростный порыв (*il furore*). "Это их подводило в бою, ибо, когда им не удавалось одержать верх после первого же натиска, они оказывались в затруднении, потому что их порыв не опирался на упорядоченную (*ordinata*) доблесть". При желании можно увидеть и здесь глухое воспоминание о событиях в Барлетте; правда, по отношению к итальянцам, в войсках которых "нет ни естественной ярости, ни внешнего порядка", их соотечественник в данном контексте еще более суров.

Если вернуться к свидетельствам итальянских современников, представители этого лагеря, несомненно, прилагали немало усилий, чтобы обеспечить победу его бойцам. Просперо Колонна лично занимался их снаряжением, он посоветовал им взять более длинные копья, чем у французов, избрать в качестве второго оружия секиры вместо булав с железными шипами и защитить коней прочными кожаными попонами или чехлами¹⁹. Он также предложил положить на арене боя несколько мечей, чтобы выбитые из седла могли продолжить борьбу, по другой версии – воткнуть с этой целью пару пик за позицией итальянцев²⁰. Изабелла Арагонская, вдова миланского герцога Джангалеаццо Сфорцы, герцогиня Бари, прислала итальянским дуэлянтам отличных

цузам. Это, видимо, не совсем так; например, Гвиччардини пишет: "В этом малом происшествии каждый видел предзнаменование исхода всей войны". – *Guicciardini F. Op. cit., p. 71.*

¹⁷ Очевидно, что, как это бывает в других видах состязаний и некоторых видах спорта, для формальной победы над противником его нужно было оттеснить за пределы упомянутых границ.

¹⁸ Рассуждения о первой декаде Тита Ливия, кн. III, гл. 36. О порывистости французов часто пишет в своей "Истории" и Гвиччардини.

¹⁹ "Просперо и Фабрицио Колонна тщательно проверили вооружение, включавшего у каждого следующее:

- 2 меча, первый длинный и широкий, колющий и рубящий, прикреплявшийся к левой (слева к?) луке седла, второй более длинный и заостренный, свисавший с пояса;

- вместо топора тяжелая секира дровосека, с рукояткой в пол-локтя, прикреплявшаяся к правой (справа к?) луке седла железной цепочкой;

- "усиленное" копьё, на пол-локтя длиннее, чем то, которым пользовались французы;

- лошади, защищенные налобником и нашейным панцирем из полированного железа, а на груди и крупе – доспехом из кожи с выжженным позолоченным цветным узором;

- стальные боевые рыцарские латы". – *Scordo A. Op. cit., p. 4.*

²⁰ Гвиччардини говорит, что эти пики были припасены там специально для того, чтобы колоть французских лошадей. – *Guicciardini F. Op. cit., p. 71.*

коней, и, по другим источникам, дала их предводителю на счастье голубой платок или шарф, который он повязал себе на шею.

В конечном счете было решено, что обе стороны выставят по 13 сражающихся, магическое число, – поединок наметили также на 13 февраля 1503 г. Был произведен обмен заложниками и гарантирована выдача пропусков. Участники боя заранее должны были внести за себя солидный выкуп на случай поражения – по 100 *согоне*, т.е. золотых экю, или эскудо за каждого. На этом якобы настояли французы, которые, впрочем, не сомневаясь в своей победе, сами ничего вносить не стали. Дуэль должна была состояться на полпути между враждующими лагерями, на равнине Сант’Элиа (там проходила дорога, по которой перегоняли скот) между местечками Андрия и Корато (Кварате, Квадрато), на нейтральной территории, принадлежавшей подвластному тогда Венеции городу Трани. В судьи было избрано четыре француза и четверо испанцев (по другой версии – итальянцев). По некоторым утверждениям в их числе были Просперо Колонна и Байярд. Орудия боя – копья и по два одноручных меча, затем секиры. Сражение должно было вестись, как пишут некоторые “до последней капли крови”, что, судя по описаниям, означает не что иное, как до последнего сдавшегося. Все же предусматривался турнирный поединок, хотя и ожесточенный²¹. Некоторые источники упоминают также о проведении границы поля, что также в свете вышеописанных правил выглядит существенным, причем одни упоминают о проведенной борозде, а другие об “ограде”.

В воскресенье 12 февраля итальянские рыцари²² отправились из Барлетты в Андрию, где на следующий день выстояли молебен за здравие в местном соборе (Сан-Риккардо), отслуженную епископом Джироламо де Поркари, и принесли клятву перед алтарем сражаться насмерть и соблюдать строгую дисциплину. (Последнее важно в свете вышеприведенных рассуждений о национальных стилях ведения боя.) Французы выступили им навстречу из Руво, где также была отслужена месса в соборе Св. Роха (Сан-Рокко).

Итальянцев сопровождали Просперо и Фабрицио Колонна; герцог Термоли, их соратники, пешие солдаты и представители местной знати²³. Обычно на таких зрелищах присутствовала только благородная публика, но в данном случае, ввиду его особой значимости, на место стеклось множество простолюдинов, в том числе крестьяне окрестных деревень.

Рыцари выступали в следующем порядке:

– 13 боевых коней, снаряженных вышеописанным образом, покрытые попонами, везомые за поводья гуськом 13 пехотными командирами;

– 13 рыцарей верхом в полном вооружении, без шлемов и копий;

– 13 дворян, которые везли шлемы и копья”. За версту от места встречи они встретились с судьями, которые обозначили поле боя (длиной четверть версты) бороздой и установили рядом с ним трибуну. На расстоянии в половину выстрела из арбалета от места боя итальянцы спешились, преклонили колени и прочитали молитву, затем снова поднялись в седла, надели шлемы и взяли копья к бедру, ожидая французов. Те совершили примерно тот же церемониал, они были покрыты алыми плащами и

²¹ При этом А. Скордо упоминает, что Просперо Колонна запретил своему племяннику, будущему кардиналу и вонителю Помпео Колонна, участвовать в поединке, потому что “речь шла не о турнире, а о войне”. “Юноше” Помпео (вообще-то ему шел 24 год) было разрешено только помогать Капоччи в качестве оруженосца. См. *Scordo A.* Op. cit., p. 4.

²² Они были отобраны из 100 человек, сражавшихся на стороне испанцев, исходя из их боевых качеств. – *Ibidem*.

²³ Гвиччардини: “В качестве места для боя была выбрана равнина между Барлеттой, Андрией и Корат, куда его участники явились в сопровождении определенного числа людей; но, чтобы они не оказались в ловушке, каждый из капитанов с основными силами своей армии дошел с ними до середины пути и напутствовал”. – *Guicciardini F.* Op. cit., p. 69.

парчой. После приветствия Фьерамоска пригласил их первыми въехать на поле, “как следовало им по праву”²⁴.

В письме к Хризостомо Колонна да Каджано, написанном в Бари через две недели после схватки, Галатео сообщает, что в этот день поднялся “сильнейший восточный ветер, который, как это бывает на Апулийских равнинах, поднимал тучи пыли, так что наши стояли против ветра, солнца и пыли”²⁵.

В реконструкции дальнейшего хода событий существуют определенные разногласия. После того как участники прибыли на поле боя, они получили возможность обехать его, чтобы познакомиться с условиями состязания. Затем они выстроились в ряд по краям арены и после троекратного сигнала трубы с копьями наперевес устремились (или должны были устремиться) друг на друга²⁶. Французы, как было уже сказано, намеревались опрокинуть врага при первом натиске, но в ходе первого столкновения все осталось в седлах. Двинулись ли вперед итальянцы или нет, но они сохранили свой боевой порядок, а французы рассыпались по полю и затем стали собираться на одной из его оконечностей. Несколько копий оказалось сломано, и дальше сражающиеся пустили в ход мечи и секиры. Первыми были выбиты из седла три француза: Мартеллен Де Ламбри, Гранжан Даст (иногда его называют Грайяно д’Асти; в романе д’Адзельо он фигурирует в качестве предателя) и Франсуа де Пиз (или де Пиза́). Поскольку они получили тяжелые ранения, то пересекли границу поля в знак своей сдачи (как утверждают, Даст здесь же, или через несколько дней скончался, став единственной жертвой поединка). Так же спешенные итальянцы Мьеле да Тройя и Капоччо Романо, не получившие серьезных ранений, продолжали биться как пехотинцы. Второй из них, взяв одну из заранее воткнутых в землю пик, поражал французских коней – ввиду серьезности поединка такой прием не сочли запрещенным. Затем еще двое французов, Нант Де ля Фрээ, и Жиро Дефорс (или Жерар Дефорж), были сбиты с ног, и, как пишет Вальтер Де Паскалис²⁷, хотя не получили ранений, сдались, отойдя, или будучи вытесненными за пределы арены. Двое итальянцев, Лодовико д’Абеневоле и Марко Королларио, по одной из версий, также оказались за границами поля и, согласно правилам,

²⁴ Scordo A. Op. cit., p. 5.

²⁵ См. прим. 14 (Tateo Fern. “De pugna tredecim equitum” di Galateus. – www.foodchem.it).

²⁶ Согласно описанию А. Скордо, “итальянцы двинулись вперед решительно, но не прищипывая коней; то же сперва сделали и французы, которые затем, однако, перешли в галоп и за 20 шагов от противника разделились на две группы. Этторе приказал своим повторить этот маневр, так что 5 итальянцев столкнулись с 6 французами, и остальные 8 – с 7 французами”.

²⁷ De Pascalis V. La disfida di Barletta. – arsmilitaris.org/publicazioni. Вообще имена французов в разных текстах выглядят по-разному. Приведу список (с вариациями) по публикации А. Скордо: 2000

1) Ламотт из Бурбоннэ, по прозвищу “первый дуэлянт”; 2) Марк де Френ, его земляк, другой вариант – Жак де Гинь; 3) Шатлар, бургундец или Франсуа де Пиз; 4) Пьер де Шаль, савойец (или Жак или Пьер de LAY, LAYE или LIAYE из Дофинэ); 5) Жак де Ла Фонтэн, гасконец; 6) Форсэ де Франс; 7) Элио де Барто, гасконец; 8) Жан д’Аст, савойец (или Гран Джан д’Асти); 9) Ришбур, или Мартеллен де Ламбри, Самбри; 10) Нант де Ла Фракс, Фрээ или Фрээс, савойец; 11) Кассе, Саше, савойец; 12) Жан Ле Ландэ, де Ланд. В списке 12 пунктов, но имен куда больше. Обращает на себя внимание тот факт, что треть из названных были савойцами, принадлежавшими к отряду в 100 человек, присланному французскому королю герцогом Филибертом. Следовательно, они не были в полной мере “французами”.

Что касается итальянцев, то те являлись выходцами из разных уголков страны, в основном, с Юга – четверо из Кампании (Фьерамоска; д’Абеневоле по прозвищу Животное, Animale, тоже капуанец; Мариано Абиньенте из Сарно; Королларио из Неаполя), один ломбардец – Бартоломео да Лоди по прозвищу Фанфулла, фанфарон; один выходец из Романьи (Романелло да Форли). Мьеле (или Мьяле) да Тройя, он же Энрико де Пандис, происходил из провинции Фоджа (Апулия), но некоторые считают его тосканцем. Франческо Саломоне был уроженцем Сутеры в Сицилии, Доменико де’ Моренги по прозвищу Риччо да Парма – Сораньи, Гульельмо Альбамонте – Палермо, Этторе Джовенале и Джованни Капоччо (предположительно) – Рима, Джованни Бранкалеоне или Бракалоне – Дженаццано (Лацио).

должны были выйти из борьбы. (Остается не совсем ясным, считались ли они проигравшими, или вышли в итоге победителями, так сказать, в командном зачете.) В целом итальянцы получили перевес, и тут Фьерамоске удалось одержать верх, если можно так выразиться, в дуэли капитанов. Его поединок с Ламоттом описывается по-разному, но во всяком случае последний, вероятно, уже после пешего единоборства, был выведен из состязания. В конце концов на поле остался один представитель французской стороны, савойец Пьер де Шаль (или де Лиэ), который, несмотря на полученные раны, упорно сопротивлялся до тех пор, пока судьи не заставили его сдаться, чтобы спасти ему жизнь. Авторы, реконструировавшие ход боя, утверждают, что он длился примерно 45 минут.

Зрители приветствовали победителей громкими криками, звук трубы известил об окончании ристаний, и рыцари отправились в Барлетту вместе с французами, которые не позаботились о том, чтобы заранее внести оговоренный выкуп и стали пленниками итальянцев. В городе участников турнира встретили испанские командиры и толпа ликующих горожан, которые несли флаги и факелы. За победителями следовали побежденные в полном снаряжении, которых, как пишет Галатео, также приветствовали. В церкви Св. Марии Магдалины (ныне Сан-Доменико) их встретили мэр и приоры университета, затем в городском соборе Санта Мария Маджоре была отслужена торжественная месса, за которой последовало шествие с иконой Мадонны Ассунты, получившей после этих событий название Мадонна делла Сфида²⁸. В дальнейшем участники получили различные награды, в том числе владения и титулы, а Гонсальво де Кордова, по преданию, подарил им ожерелье из 13 золотых колец, изображение которого они могли включать в свои гербы.

Большинство рыцарей позднее принимало в той или иной степени участие в Итальянских войнах, причем известны случаи перехода в противный лагерь. Определенно можно утверждать, что глава французских участников поединка Ламотт (хотя есть разночтения относительно его имени и происхождения) перешел на службу к знаменитому коннетаблю Бурбону, военачальнику Карла V, и лично арестовал французского короля Франциска I после поражения того при Павии в 1525 г. (сохранилось даже изображение этой сцены), а в 1527 г., во время памятного разграбления Рима, был назначен оккупантами “губернатором правосудия” Вечного города.

Итак, были ли описываемые события просто одним из многочисленных поединков, рядовым эпизодом вялотекущей войны, следствием заурядной пьяной ссоры, или звеном в цепи борьбы за независимость Италии, что и обеспечило им соответствующий резонанс?

Потомкам при всем желании трудно оценивать прошедшее в тех же параметрах, как это делали его современникам: они обременены знаниями и традицией, в том числе историографической, которые, возможно, расширяют границы понимания, но уводят от мыслей и чувств, обуревавших непосредственных свидетелей событий. А выяснение их – одна из главных задач истории в сегодняшнем представлении.

Сегодня описание целых народов через их нравственные и характерологические качества выглядит некоторым анахронизмом (и по меньшей мере противоречит политической корректности). Но воззрения XVI в. вполне допускали наличие у народов определенных врожденных качеств, будь то склонности французов уповать на первый натиск или коварство итальянцев. Именно опираясь на подобные предрассудки или, как сегодня бы их назвали, *стереотипы*, современники могли понимать события, а французы, например, оправдывать вышеописанную неудачу.

²⁸ О небесном покровительстве сражающимся пишет Галатео. “Перед Господом большую силу возымели молитвы его лекаря Галатео, чем святого монаха-француза... вернее друида, который, повязав на голову ленту, простерся на земле перед строем и изо всей мочи зывал к своим богам – я полагаю, прежде всего, к отцу Диту, от коего, говорят, произошли галлы и коему первобытные галлы, свершая гнусный обряд, приносили людей в жертву до того, как Галлия покорилась благородному и святому оружию римлян”. После проигрыша французов монах закрыл лицо руками и, рыдая, как женщина, удалился. См. *Tateo F. Op. cit., p. 4.*

Мы уже видели в случае д’Отонна, что они так и поступали, и эта практика была распространенной, о чем можно судить по материалам статьи В.Р. Новоселова о дуэлях XVI в.²⁹ Итальянцы, по мнению Брантома, более кровожадны, но также осмотрительны и осторожны. Французы, как считает маршал Таванн, храбрее и доблестнее их. Однако итальянцы более искусны, ловки и изощренны, “они соглашаются на поединок только в том случае, если владеют каким-нибудь хитрым приемом, который позволит свести на нет храбрость противника... Поэтому с итальянцами французам, если выбор оружия принадлежит им, надлежит сражаться пешими и в рубашках, т.е. без доспехов. В этом случае, без сомнений, победа достанется им легко”. В этом “дискурсе” мы видим и патриотический настрой – французские писатели естественно, лестно отзываются о своих, и вместе с тем некая “научная” описательность – свойства одних народов таковы, других – иные. Что любопытно, в этом этнологическом контексте у французских авторов появляется и Макиавелли как символ итальянского коварства: “Де Треллон даже сожалеет о том, что Макиавелли не написал трактат о дуэлях, поскольку эта практика очень подходит для его измышлений”³⁰.

В противопоставлении природной доблести и культурной изощренности между прочим просматривается еще один вековой стереотип – о противостоянии менее развитых и более здоровых в отношении нравов народов более развитым, изнеженным и развращенным. Самыми испорченными Макиавелли считает те народы, которые ближе к римскому престолу³¹. Французского флорентийского секретаря хотя и включает в их число, но называет, как и его соотечественники, заальпийскими варварами; от них итальянцы стремились изгнать свою землю в первую очередь. До испанцев дело всерьез дошло только лет через сто, во времена Кампанеллы и Боккалини. Отголоски упомянутых мнений звучат еще в одном высказывании Макиавелли: “Кардинал [Руанский] заявил мне, что итальянцы несведущи в военных делах, на что я ему ответил, что французы ничего не смыслят в делах государственных, ибо в противном случае они не допустили бы подобного возвышения Церкви”³². Трудно представить себе, чтобы обмен подобными аргументами состоялся на сегодняшних дипломатических переговорах, а писатель того времени приводит их, по-видимому, как своего рода остроумный ответ, наподобие тех, что включали в конце средневековых биографий (например, сам Макиавелли в жизнеописание Каструччо Кастракани).

В контексте оценки Барлеттского поединка с позиций патриотизма интересна риторика в описании этого события у Гвиччардини, который был его современником, хотя писал, видимо, позже Макиавелли. Заметим, что он стал автором первой “Истории Италии”, а по сути дела Итальянских войн, современником которых на долгом протяжении ему довелось быть. У Гвиччардини описание поединка занимает несколько страниц, его оценка однозначно патриотическая: “Случившийся вскоре инцидент еще более умерил пыл французских, поскольку они не могли приписать то, что было заслугой доблести, коварству судьбы”³³. Гвиччардини говорит, что “по всеобщему согласию доблести участников была доверена и вручена честь столь благородных наций”. Далее

²⁹ Новоселов В.Р. Дуэльный кодекс: теория и практика дуэли во Франции XVI века. – Одиссей. Человек в истории. 2001. М., 2001, с. 216–233.

³⁰ См. там же, прим. 66. Еще один литературный стереотип можно усмотреть в противопоставлении вообще ловкости, изощренности, умения грубой силе (отчасти это напоминает о Давиде и Голиафе). Любопытно, что в испанском описании одного из эпизодов рассматриваемых событий, поединка Баярда и Алонсо де Сотомайора, носителем первых качеств, в отличие от вышеприведенных примеров, выступает победитель-француз, а второго – испанец. – Quintana M.J. Vidas de españoles célebres, t. I. Madrid, 1833 (1 ed.1807), p. 247.

³¹ Рассуждения, кн. I, гл. 55. “И поистине, ничего хорошего нельзя ожидать там, где такая добропорядочность отсутствует, в том числе в развращенных на сегодняшний день странах, прежде всего и меньше всего в Италии, а также во Франции и Испании, на которые отчасти распространяется названная испорченность”.

³² Дело было в Нанте в конце октября 1501 г.

³³ Guicciardini F. Storia d’Italia, l. V, c. 13.

в его описании следуют традиционные вымышленные речи, в которых французский вице-король указывает на то, что итальянцы беспрепятственно дали французам пройти через всю свою страну и теперь выступают лишь в силу своей зависимости от испанцев; но “нет такого щита, который сможет противостоять мечу победителей, опираясь на пустые слова и бахвальство испанцев”. Испанцы же (тут им приписывается то же коварство, что в других случаях итальянцам) “привыкли в сражении уповать не на доблесть, а на ловушки и обманы, и потому будут охотно взирать со стороны на то, как другие подвергают себя опасности”³⁴. К итальянцам с речью обращается Гонсальво ди Кордова, он ссылается, естественно, на римлян и заявляет, что “если Италия вот уже несколько лет подвергается нашествиям чужеземных войск (подчеркнем, что это говорит испанец. – М.Ю.), то причина не в чем ином, как в неблагоразумии ее государей, которые сороятся друг с другом из честолюбия и призывают себе на помощь чужие войска. Французы же одержали в Италии победы не вследствие своей доблести, а с помощью итальянского оружия и советов, либо из-за страха, наводимого их артиллерией, вещи, в Италии малознакомой”. Теперь же участникам дуэли выпала честь “вернуть итальянскому имени славу” или навсегда отказаться от мысли вывести страну из позорного рабства. Здесь хорошо заметно, как историк вкладывает собственные идеи в уста своего персонажа.

В полемике о национальных воинских качествах принимали участие, как мы узнаём из статьи В. Илари³⁵, не только солдаты и военные теоретики, но и такие ученые гуманисты из-за Альп, как Эразм Роттердамский. В 1508 г. он приводил такие примеры оксюморонов: “образованный скиф, воинственный итальянец, честный негоциант, благочестивый солдат или надежный пуниец”³⁶. В ответ на критику, прозвучавшую почти через три десятилетия в сочинении Пьетро Корси да Капри “*Defensio pro Italia*”, Эразм утверждал, что немногочисленные итальянские герои происходят от готов и прочих варваров, а настоящие потомки римлян “коренасты и нескладны”. (Возможно, он руководствовался только любовью к истине³⁷, но, например, в Италии в годы между двумя мировыми войнами такие высказывания пришлось бы совсем не ко двору).

Наконец еще столетие спустя в полемику вступил другой известный эрудит, “парижанин” (и, судя по всему, француз!) Габриэль Нодэ, библиотекарь Ришелье и Мазарини, который защищал итальянцев от нападок Эразма в духе Макиавелли и Гвиччардини, ссылаясь на то, что они не смогли противостоять захватчикам в эпоху Итальянских войн вследствие “невежества или алчности государей, а также по причине праздности”, ввиду отсутствия серьезных войн³⁸. Нодэ находит пользу даже в итальянской разобщенности, он опирается на трактат миланца Ортензио Ландо, который в 1536 г. перечислял воинские наклонности и качества жителей разных провинций Италии. Из них можно составить армию, где будут представлены все доблести других наций, тем более что итальянцы обладают “гибким и всеобъемлющим умом... и особенно отличаются там, где потребно прилежание и осторожность, когда нужно применить хитрость, и речами либо поступками ввести противника в заблуждение”. Вывод, впрочем, возвращающий к тем же мнениям или стереотипам, с которых мы начали.

Понятие патриотизма может служить таким же (и еще лучшим) оправданием для войны, как защита веры, демократии или социального прогресса. Но в эпоху Итальянских войн

³⁴ Ср. выше прим. 14 и распространенное убеждение того времени, что испанцы используют распри в Италии к своей выгоде, считает автор трактата XVII в. “Политик-Солдат”, цит по кн.: Рутенбург В.И. Италия и Европа накануне Нового времени. Л., 1974, с. 66, прим. 23.

³⁵ Ilari V. Italiani? bravi soldati. – www.liberalfondazione.it/archivio/RISK/numero6

³⁶ *Desiderii Erasmi Roterodami Adagiorum chiliades tres ac centuriae fere totidem*. Lyon, 1571, p. 325. Цит. по статье Илари, который переводит Scythia как “русский”.

³⁷ Историк XX в. С. Мадзарино считал, что Эразм, как пацифист, отрицая воинственность итальянцев, не думал их задеть.

³⁸ *Gabrielis Naudaei De studio militari Syntagma*. Romae, 1637. Lib. I, cap. V, (De patria Tyronis), 10 (Italis), p. 77–80.

янских войн оно в таком качестве не фигурировало. В романе д'Адзельо совершенно справедливо приводится другая, феодальная их мотивировка, герой объясняет восточной девушке: "Мы не у варваров, где только сила решает всё. Мне пришлось бы слишком долго тебе объяснять, какие права имеет французская корона на наше королевство. Ты должна знать только, что оно — лен святой церкви. А это означает, что церковь — его владычица и, как владычица, она и пожаловала его около двухсот лет тому назад Карлу, герцогу Прованса, от которого его унаследовал христианнейший король.

— Чудеса! А церкви-то кто его подарил?

— Церкви его принес в дар французский воин, Робер Гвискар, овладевший им силою оружия"³⁹. При этом либерал д'Адзельо не упускает случая указать на несоответствие права распоряжаться "имуществом и жизнью себе подобных" заветам Христа. Здесь, наверное, было бы уместно перейти к рассуждениям об эволюции форм организованного насилия и состязания в целом (война, поединки, имитирующие их игры — спорт) — и ее связи с развитием общественного и личного самосознания, но это увело бы нас далеко в сторону.

Тем не менее невозможно отрицать, что такие эпизоды, как "Барлеттский вызов" давали импульс национальному чувству, невзирая на засилье "местных патриотизмов", и оно отчетливо выразилось в высказываниях Макиавелли, Гвиччардини и других их современников⁴⁰. Не совсем понятно, в чем этот патриотизм был ущербен, пусть даже "идея итальянского единства", как написано в современной электронной энциклопедии, "осталась незавершенной, поскольку не имела конкретной опоры в реальности и была ничем иным, как утопией"⁴¹. Разумеется, этот патриотизм имел свои исторические черты, и как всякий другой не является абсолютной ценностью, подчиняясь общим правилам морали и справедливости: когда достоинство отдельного (или коллективного) "Я" ущемляется, патриотизм вступает в свои права; но он не дает права ущемлять чужое достоинство. Это правило, надо полагать, действовало в римские времена, к которым, собственно, восходит и слово и понятие патриотизма, хотя тогда, как и теперь, не все его понимали и принимали. Этот факт, вероятно, способствовал тому, что итальянцы, как прямые наследники римской культуры, были более восприимчивы к новым веяниям, принесенным с собой Новым временем (собственно, эти веяния, сформировавшиеся в умах, и сделали время "новым") и к новому ощущению нации, которое постепенно вырабатывалось на старой основе⁴².

Очевидно, эпизод с поединком в Барлетте приобрел громкое звучание именно потому, что итальянцы в тот момент и долго после этого ощущали свою национальную гордость ущемленной, а он позволял им надеяться на лучшее. Очевидно также, что он

³⁹ Цит. по указанному выше переводу. Определение "французский воин" по отношению к норманну Гвискару, конечно, тоже весьма условно, так как переносит понятие "французского" задним числом из XIX в XI в.

⁴⁰ Возможную связь цитированной нами вначале фразы из XXVI главы "Государя" с поединком в Барлетте увидели многие историки. Но не все ее признали: почему Макиавелли не упоминает о нем напрямую, если это событие действительно питало его патриотические чувства? Однако отсутствие прямой ссылки на дуэль в Барлетте может объясняться довольно просто — тем, что трактат был посвящен Лоренцо Медичи, отец которого Пьеро сражался на стороне французов и погиб (утонул) в роковом для них сражении при Гарильяно 28 декабря того же 1503 г.

⁴¹ <http://it.wikipedia.org/Machiavelli>. Это ведь мы точно знаем, что идея объединения Италии оказалась утопией, а в начале XVI в. можно было надеяться на ее осуществление.

⁴² Существенно, что речь идет именно о ментальном феномене, предполагающем отчасти сознательный выбор за или против "итальянизма", независимо от происхождения и даже языка — в данном контексте речь шла, например, об итало-греке Галатео, с одной стороны, и савойцах, защищавших честь французов, с другой. Ср. соображения П. Бёрка, который говорит также о "реактивном" формировании идентичности итальянцев, в ответ на их историческую разобщенность. — Бёрк П. Язык и идентичность в Италии начала Нового времени. — Независимое литературное обозрение, 1999, 36, с. 5–25.

не имел серьезного военного значения⁴³, но мы не должны судить о событиях только по их материальному весу. Эмоциональный резонанс, реакция общественного мнения зачастую имеют более важные последствия, чем даже выигранное сражение.

Можно понять современных историков, таких как Дж. Прокаччи и Ф. Кардини, которые видят в патриотической шумихе по поводу отдельных фактов, тем более таких спорадических, как дуэль в Барлетте, одной из многих ей подобных (но на деле своеобразной) – искажение исторической оптики. Но если подходить к фактам с точки зрения не их физического веса, а их резонансной (психологической, ментальной, духовной, моральной) значимости, то названное событие приобретает действительно из ряда вон выходящий интерес. Оно свидетельствует о наличии и известной распространённости общенациональной идеи в Италии начала XVI в.

⁴³ Надо отметить, что речь идет об одном из немногих эпизодов в войнах XVI в., когда уроженцы Италии сражались против чужеземцев, хотя и находясь в рядах иностранного войска. Самостоятельные войны вела Венеция, но представители этой огромной морской державы, часто ссорившейся со своими соседями на полуострове, к итальянскому патриотизму не апеллировали.